

- and nativelike fluency // Richards, J.C. & Schmidt, R.W. (Eds.). *Language and Communication*. – London: Longman, 1983. – Pp. 191–116.
22. Poulisse, N. & Bongaerts, T. First language use in second language production // *Applied Linguistics*. – 1994. – Vol. 15. – Pp.36–57.
23. Poulisse, N. Language production in bilinguals // de Groot, A. & Kroll J. (Eds.). *Tutorials in bilingualism. Psycholinguistic perspectives*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – Pp.201–224.
24. Rapp, B. & Goldrick, M. Discreteness and interactivity in spoken word production // *Psychological Review*. – 2000. – Vol. 107. – №. 3. – Pp. 460–499.
25. Roelofs, A. A spreading activation theory of lemma retrieval in speaking // *Cognition*. – 1992. – Vol. 42. – Pp.107–142.
26. Santesteban, M., Costa, F., Pontin, S. & Navarrete, E. The effect of word-frequency on lexical selection on speech production: Evidence from semantic homogeneous naming contexts // *Cognitiva*. – 2006. – Vol. 18 (1). – Pp.75–84.
27. Stemberger, J.P. An interactive activation model of language production // Ellis, A.W. (Ed.). *Progress in the psychology of language*. – 1985. – Vol. 1. – Pp.143–186.

О.М. Корытова

СЛОВОСРАЩЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

В современной парадигме лингвистических знаний словообразование относят к областям, которые, «подобно двуликому Янусу, служат двум господам и имеют два «лица» – когнитивное и коммуникативное» [9: 393]. Такая научная парадигма, в которой объединены лучшие черты когнитивного и коммуникативного подходов, является наиболее «перспективной и адекватно отражающей суть языка» [Op. cit.: 405]. Язык сегодня не рассматривается как некая абстрактная сущность, обладающая собственной автономной жизнью, а представляется, в первую очередь, как средство передачи мысли, т.е. язык «как таковой выступает главным образом в виде своеобразной “упаковки”» [2: 6]. Производное слово, являющееся основной единицей словообразования, предстает при этом основной единицей хранения, извлечения, получения и систематизации знаний об окружающем мире. Необходимость включения производного слова в дискурс накладывает свои особенности: словообразовательная единица должна быть максимально информативной и понятной, с одной стороны, и достаточно краткой, с другой. Образования, наиболее точно отвечающие указанным требованиям, оказываются наиболее удачными.

Словосращение является одним из способов словообразования, на примере которых можно наиболее наглядно проследить, каким образом происходит формирование графически кратких, но понятийно ёмких единиц языка. Словосращение представляет собой процесс естественного соз-

дания цельноформленных единиц на базе реально функционирующих в речи раздельноформленных наименований.

Будучи способом словообразования на синтаксической основе, словосращение связано с вынесением суждения о каком-либо предмете, объекте действительности и приписыванием ему определенных признаков и свойств. Эмбрионом такой комплексной номинации является пропозиция, содержащая информацию «как о событии и его участниках, так и дополнительную информацию о конкретных условиях совершения события» [1: 52]. Пропозиция представляет собой своего рода «когнитивную карту», отражающую то, как окружающее пространство представлено в голове человека. Эта «когнитивная карта» затем преобразуется в «линейную последовательность высказываний» [5: 155]. В том, каким путем происходит когнитивная обработка пропозиции и в какую номинацию – производное слово, словосочетание или высказывание – она развивается, отражается не только объективный взгляд на окружающий мир, но и субъективное отношение индивида к выделенному фрагменту действительности. В этой связи доля индивидуального компонента значения в словах, построенных на синтаксической основе, выше, чем в других лексических новообразованиях. Известно, что, выделяя какой-либо участок действительности и давая ему наименование, носитель языка вкладывает свое «чисто человеческое отношение к миру со всей субъективностью взглядов и оценок и ... свободой выбора собственной позиции» [8: 91].

Возникнув в речи отдельного носителя языка, слово-сращение, как и любое языковое новообразование, должно пройти длительный процесс социализации, чтобы прочно закрепиться в языке. Этот процесс заключается в приведении представлений разных людей об одном и том же объекте к общему знаменателю. При этом исконные форма и значение единицы могут изменяться с учетом фоновых реалий, включенных в коллективный опыт социума. Например, английское существительное *gospel* «евангелие» образовано на базе древнеанглийского словосочетания *god spel*, имевшего значение «хорошие новости». Изначально сращение имело форму *godspel*, а выпадение *d* произошло в среднеанглийский период. Сходным образом в процессе употребления изменялись значение и форма русского существительного *завтра*. В форме *за утра* эта единица употреблялась в древнерусском языке для выражения временных отношений («в течение», «в продолжение»). Первоначальное значение сращенной единицы *заутра*, возникшей в XI веке, – «в течение утра», а отсюда – «в течение следующего утра», откуда и пошло современное значение «на следующий день».

Индивидуальный компонент наиболее ярко выражен в значении окказиональных единиц. Явления «языковой игры», наблюдаемые в окказиональном словообразовании, свидетельствуют о двух противоположных тенденциях: «С одной стороны, они демонстрируют возможности словообразовательной системы языка, с другой – показывают пределы ее действия» [4: 180]. Словосращение, являющееся продуктивным способом не-

узуального словообразования, вероятно, более, чем какое-либо другое языковое творчество подтверждает идею Б. Нерлиха [17: 129] о том, что образование окказионализмов обусловлено использованием основных когнитивных способностей человека, проявляющихся в стремлении выразить всю полноту мысли наилучшим образом. Это объясняется сочетанием в словах-сращениях графической краткости и ёмкого содержания, соответствующего высказыванию. Окказиональные сращения повышают «экономичность» художественного текста, позволяя автору увеличивать ёмкость фразы, не усложняя ее синтаксиса. Поскольку словообразовательная интенция при формировании окказиональных сращений исходит от авторов, руководствующихся собственным замыслом, компоненты таких сращений могут быть разнообразными; единственным ограничением в данном случае является построение сращений на базе реально существующих в речи сочетаний слов.

Окказиональные сращения, среди которых преобладают существительные, лучше всего проявляют себя при обозначении предметности. При этом они используются для выражения значений различного характера: они могут отождествляться с абстрактными понятиями, с конкретными объектами действительности, приобретающими в сращенной форме оттенок образности, отвлеченности, а также с определенными людьми, сращенные фамилии, имена или прозвища которых отражают особенности их характера.

В художественных произведениях сращения нередко выступают в качестве различных ключей, пользуясь которыми «читатель приближается к адекватному, в соответствии с замыслом автора, прочтению произведения и получению удовольствия от осознания этого факта» [11: 100]. Так, ничем не примечательное словосочетание *сразу после войны*, в повести И. Токмаковой преобразуется во «время *сразу после войны*», позволяя автору без каких-либо других выразительных средств охарактеризовать описываемое время как очень дорогое для бабушки главной героини. В художественной литературе сращения иногда используются и в качестве имен или прозвищ героев повествования. Такие имена являются, как правило, «говорящими»: они помогают автору давать характеристику своим персонажам или используются для передачи отношения других участников повествования к человеку. Несмотря на то, что герой одного из рассказов А. Арканова прекрасно знает имя мужа своей собеседницы, про себя называет его *Такой муж*, подчеркивая таким образом свое недоброжелательное к нему отношение. Подобным же образом Фрэнни из «Фрэнни и Зуи» Сэлинджера делает вид, что не помнит фамилию агента собственного брата, называя его *Whois*.

Построение окказиональных сращений связано с намеренным разрушением автором границ между словами, что, как правило, является хорошо продуманным когнитивным шагом. Несмотря на то, что в естественной речи отсутствует установка на создание новой номинативной единицы,

слова-сращения возникают в процессе коммуникации очень часто. Это обусловлено диалоговым характером вербальной коммуникации: являясь по сути двумя сторонами одной медали, производство и восприятие речи в значительной мере асимметричны, они не протекают как зеркальные процессы, обратные по своей направленности. Если стратегии говорящего заключаются в выборе наилучшей формы для передачи какого-либо значения, то стратегии слушающего состоят в «выборе из возможных для данной языковой формы надлежащего значения» [7: 35].

Для слушающего восприятие не является пассивным «копированием» внешнего воздействия в собственном сознании: это живой, творческий процесс познания. Динамика процессов опознавания может быть описана как «переход от первоначального общего и диффузного представления об объекте к более детальному восприятию» [3: 386]. При этом успешность перцепции речевого отрезка зависит во многом от личного когнитивного опыта слушающего.

Хотя ни одна из ныне существующих моделей восприятия речи не дает полного представления о том, каким образом происходит процесс распознавания слов, они являются базой для решения многих вопросов, относящихся к восприятию речи. Основная проблема восприятия звучащей речи касается взаимосвязи сегментирования входящего звукового сигнала на составляющие и их распознавания. Как замечают некоторые исследователи [13], вопрос о соотношении процессов сегментации и распознавания напоминает дилемму о яйце и курице: невозможно представить, как одно может предшествовать другому. Как мы можем знать, какие элементы идентифицировать, пока речевой поток не разделен на части? С другой стороны, как обсуждать границы лексической единицы, если мы не знаем, какое именно слово было произнесено? Наиболее убедительным представляется мнение о том, что сегментация и распознавание являются двумя составляющими единого процесса. Однако известно, что дети, еще не знающие слов, уже способны членить связную речь на отдельные слова. Это доказывает существование неких «акустических подсказок», способствующих установлению границ лексических единиц.

Основные сегментационные стратегии делятся сегодня на «акустические» и «лексические». В первых из них акцент делается на фонотактике, т.е. «системе правил или ограничений, управляющих возможностью появления определенных сегментов и последовательностей сегментов в слогах и словах данного языка» [12: 165. Перевод мой. – О. К.]. Вторые берут за основу механизм лексической конкуренции, впервые подробно описанный в модели восприятия речи TRACE [14]. Сторонники лексической сегментационной стратегии считают ее основным механизмом расчленения речевого потока, «позволяющим наиболее оптимально разбить звучащую речь на части, даже когда в ней нет никаких подсказок относительно границ слова» [15: 41. Перевод мой. – О. К.].

Доказанная действенность лексической конкуренции при расчленении речевого потока на слова не снижает роли акустических, фонетических опор для процедуры сегментации. Напротив, имеет смысл принимать во внимание как лексическую, так и фонетическую (акустическую) сегментационные стратегии. Именно такой подход к определению границ слов в потоке связной речи реализован в модели Shortlist [16; 18; 19], авторами которой выделяется так называемое «ограничение возможного слова» (possible word constraint – PWC). Суть ограничения заключается в том, что каждая воспринимаемая на слух единица оценивается на предмет наличия в ней какой-либо информации относительно границы слова. Это могут быть, во-первых, любые опоры, которые можно напрямую извлечь из входящего звукового сигнала (паузы, ударение, фонотактические правила и др.), и, во-вторых, фонологические ограничения по форме и размеру лексических единиц. Под фонологическими ограничениями подразумеваются универсальные для большинства языков правила, например, (1) слово должно содержать гласный звук; (2) слово не может состоять из одного согласного (или последовательности нескольких согласных). Эта информация не только сама по себе влияет на сегментацию речевого потока, но и способствует процессу лексической конкуренции, также обеспечивающей успешность расчленения входящего звукового сигнала.

Сложность процесса сегментации звучащей речи иногда приводит к тому, что результатом неверного разделения речевого потока на составляющие становится искажение смысла высказывания. При этом может нарушаться общая смысловая картина или происходить неверное восприятие отдельных компонентов. Восприятие и сегментация речи могут быть особенно затруднены, когда слушающий не обладает достаточным языковым и/или когнитивным опытом, что относится, в первую очередь, к детям и людям, продуцирующим или воспринимающим высказывание на неродном языке. Именно этими особенностями обусловлено возникновение слов-сращений в речи детей и при восприятии иностранной речи. При неверном восприятии в сознании человека два (или более) элемента высказывания могут сливаться в единое целое и в дальнейшем воспроизводиться как одно слово.

Так, для детей в возрасте 3–5 лет особенно характерно сращение предлога с существительным. В их речи часто встречаются единицы типа *вантека* («Мама, ну где же *вантека*, мы так долго туда идем!») или *вотпуск* («Надоел мне этот *вотпуск*, я уже в садик хочу»). Даже не до конца понимая значения подобных единиц, дети не стесняются употреблять их в речи. Детской речи присуща «первоначальная произвольная выразительность» [10: 415]. Многие слова-сращения, образуемые детьми, являются подтверждением этого постулата. В работе И.А. Ковыневой [6: 9] приводятся следующие примеры из детской речи: *Сатанатам* правит бал (с объяснением ребенка: «*Сатанатам* – это дирижер»); в строке «Впере-

ди страна Болгария, позади – река Дунай» пятилетняя девочка восприняла *позадирекадунай* как одно слово и спрашивала, что это такое.

Люди, не владеющие тем или иным языком, также нередко сращивают незнакомые для себя слова. Так, один из ранних рассказов Льва Кассиля называется «Приемник мистера *Кисмиквика*». В своей автобиографии Кассиль пишет о том, как нравилось ему это название, созвучное с бессмертным мистером Пиквиком. Фамилия героя была подслушана у соседки по квартире, которая любила читать вслух то, что ей было задано учителем английского языка. Однако торжество от выхода рассказа в свет было несколько омрачено фактом, который стал известен автору несколько позже: в переводе с английского выражение *Kiss me quick* вовсе не является фамилией.

Важной особенностью значений сращений, в детской речи является то, что они формируются не на основе вычленения сознанием человека объекта действительности, а через неверное восприятие и неспособность адекватно сегментировать услышанное. Искажение комплексной языковой формы, представленной словосочетанием и имеющей собственное значение, приводит к формированию другой языковой формы уже с другим значением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисенкова Л.М. Когнитивные аспекты словообразования (на материале немецкого языка): Дис. ... докт. филол. наук. – Смоленск, 2005. – 403 с.
2. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С.5–11.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
5. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И. Б. Левотина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
6. Ковынева И.А. Голофразис как способ словообразования в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2007. – 23 с.
7. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
8. Кубрякова Е.С. О понятии места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И. Б. Левотина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
11. Травкина А.Д. Трансформационные техники и поэзия слова // Вестник Тверского государственного университета. – 2006. – № 3 (20). – Серия «Филология». – Вып. 6 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 89–100.

12. Auer, E.T. & Luce, P.A. Probabilistic phonotactics in spoken word recognition // *Maurer University at Buffalo working papers on language and perception* (Ed. by C.T. McLennan & P.A. Luce G.). – 2003. – Vol.2. – Pp. 164–202.
13. Christiansen, N. & Chater, W. Connectionist natural language processing: the state of the art // *Cognitive Science*. – 1999. – Vol. 23(4). – Pp. 417–434.
14. McClelland, J.L. & Elman, J.L. The TRACE model of speech perception // *Cognitive Psychology*. – 1986. – Vol. 18. – Pp. 1–86.
15. McQueen, J.M. Segmentation of continuous speech using phonotactics // *Journal of Memory and Language*. – 1998. – Vol. 39. – № 1. – Pp.21–46.
16. McQueen, J.M., Norris, D. & Cutler, A. The dynamic nature of speech perception // *Language and Speech*. – 2006. – Vol.49. – № 1. –Pp.101–112.
17. Nerlich, B. *Change in language*. – London; New York: Routledge, 1990. – 213 p.
18. Norris, D., McQueen, J.M. & Shortlist, B. A Bayesian model of continuous speech recognition. – 2007 // <http://www/mrc-cbu.cam.ac.uk/~dennis/NorrisMcQueenShortlistBSept07.pdf>
19. Norris, D., McQueen, J.M. & Cutler, A. The possible-word constraint in the segmentation of continuous speech // *Cognitive Psychology*. – 1997. – Vol. 34(3). — Pp. 191–243.

Н.И. Курганова

ОБРАЗ МИРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЗНАНИЯ МИРА

Проблемы миропонимания, мировосприятия носителей языка, особенности конструирования образа мира различными социумами находятся в центре внимания ряда наук: социологии, этнопсихологии, культурной антропологии, психолингвистики. При этом на рубеже третьего тысячелетия наметился новый всплеск интереса к изучению национально-культурной детерминированности мира, к обсуждению взаимоотношений культуры и познания. Этому способствовал ряд объективных причин.

Во-первых, в современном мире произошли глобальные изменения, и на международную арену вышли многочисленные страны, народы и культуры [1: 278], что требует изучения разнообразных стратегий познания и взаимодействия в человеческих сообществах. Во-вторых, с 60-70 годов XX столетия ученые констатируют небывалый рост этнической идентичности, который захватил все страны и континенты [19: 16–18]. В-третьих, на фоне общей глобализации и интенсификации межкультурных контактов идет усиление национальной и религиозной нетерпимости в мире и обществе.

Вызовы времени побуждают ученых вновь обратить свое внимание на роль языка и культуры в когнитивной и коммуникативной деятельности человека. В этих условиях в рамках психолингвистики начинает складываться новая молодая наука – этнопсихолингвистика, в центре внимания которой находятся проблемы национально-культурной вариативности сознания и образа мира. По справедливому замечанию В.А. Пищальниковой,